

гентив на шпильках

елена ЛОГУНОВА

Спокойно, Маша,
я Дубровский!

ЭКСМО

Елена Ивановна Логунова
Спокойно, Маша,
я Дубровский!
Серия «Индия Кузнецова», книга 7

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170244

*Логунова Е. Спокойно, Маша, я Дубровский!: Роман: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-25643-3*

Аннотация

Любвеобильный братец Индии Казимир не придумал ничего лучшего, как пригласить сестру на... кладбище – хоронили одну из его любовниц, и ловелас опасался мести обманутого мужа. Там к нему подошла парикмахерша покойной Нина Сигуркина и поделилась подозрениями: Машеньку подменили, в гробу совсем другая женщина! Казимир не поверил этому бреду, и напрасно – на следующий день Нину нашли в ближайшей лесополосе, и теперь она вполне могла составить компанию своей клиентке... Неужели парикмахерша была права?

Содержание

1	4
2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена Логунова СПОКОЙНО, МАША, Я ДУБРОВСКИЙ!

1

– Вот зар-раза!

Я с силой хлопнула дверью и с трудом удержалась, чтобы не пнуть мусорную урну.

– Не получилось? – легко расшифровал мою пантомиму Зяма.

– Холера, – огорченно повторила я вместо ответа и скорчила зверскую гримасу в сторону окна, за которым в прохладе кондиционированного кабинета сидела зараза, она же холера, она же бухгалтер девелоперской компании «Жилье» Марьяна Залеская.

Эту противную тетку с носом тукана и глазами аллигатора я люто возненавидела после первой же нашей встречи. Тогда эта туконо-крокодилиха отказалась выплатить мне честно заработанные деньги, на которые я твердо рассчитывала. Настолько твердо, что даже заказала знакомой, живущей в ЮАР и периодически приезжающей на родину предков на побывку, привезти мне оригинальное колечко с аметистом

особой африканской огранки. Знакомая не подвела, колечко привезла хорошенькое на загляденье, но мерзкая Марьяна прокатила меня с деньгами, и эксклюзивное украшение уплыло в буквальном смысле в чужие руки. Это было тем более обидно потому, что денежки, зажатые гадкой Марьяной, я отработала с блеском, способным посрамить юарский аметист.

В прошлом месяце мы с братцем Зямой сваяли для «Жилья» роскошный рекламный буклет. Братишка-дизайнер взял на себя художественную часть, а я вдохновенно написала безудержно хвалебный текст, в который задним числом с большим удовольствием внесла бы поправки. В частности, теперь я написала бы название обидевшей меня девелоперской фирмы «Жилье» через букву «у» и с легкостью аргументировала бы необходимость такого изменения. Определенно, Марьяне Залесской гораздо больше пойдет быть бухгалтером фирмы «Жулье»! Сегодня она второй раз продинамила меня с деньгами, ссылаясь на временные финансовые трудности компании.

– Эх, Дюха! – покачал головой Зяма. – Не знаешь ты правильного подхода к казначеям и ключницам, учить тебя еще и учить! Смотри, как это делает мастер!

Братишка одернул на себе модную трикотажную рубашечку, легкой поступью взошел на крыльцо, толкнул дверь с табличкой «ООО „Жилье“» и исчез в прохладном сумрачном холле.

– Мастер-фломастер!

Я презрительно фыркнула, но возможностью поучиться у известного специалиста по охмурению материально ответственных лиц женского пола пренебрегать не стала, с какой целью переместилась под окно Марьяниного кабинета и прижалась ухом к затемненному стеклу.

Наш Зяма искренне считает себя гениальным дизайнером. Это вполне нормально, ибо самоуверенность и творческие амбиции – наши фамильные черты. Несколько удивляет меня только то, что регулярно находятся не единокровные нам, Кузнецовым, чудачки, которые разделяют Зямино мнение. В результате у великого Казимира Борисовича всегда есть высокооплачиваемые заказы.

Как свободный художник, Зямочка вынужден совмещать творчество с коммерцией, так что в выбивании денег из клиентов он изрядно поднаторел. Правда, дизайнерскими услугами Зямы чаще пользуются состоятельные дамы, а эти ценительницы прекрасного готовы раскошелиться за одну только возможность лишний раз встретиться с моим обольстительным братцем. По не вполне понятным мне причинам, Зяма имеет у женского пола такой сокрушительный успех, который при переносе его на поприще искусства обеспечил бы моему братишке прижизненный памятник и немеркнущую славу в веках.

Впрочем, я сильно сомневалась, что хваленое мужское обаяние поможет Зяме охмурить Марьяну Залесскую. Эта

женщина производила впечатление бесполого робота, запрограммированного исключительно на самоотверженное служение бухучету.

– Здра-авствуйте, Марьяночка Игоревна! – бархатным голосом напел Зяма, внедряясь в кабинет моей врагини.

– Здравствуйте, Казимир Борисович, – сухо приветствовала его бухгалтерша.

Мне стало ясно, что Зямины мужские чары на Марьяну не действуют. Он, очевидно, тоже это понял и мгновенно сменил тактику, добавив в бархатный голос искренней озабоченности:

– Надеюсь, давешнее падение монгольского тугрика не подорвало финансовую крепость вашей компании?

– Вот шельмец! – с завистливым восхищением прошептала я.

Финансовая крепость родной компании волновала госпожу Залесскую гораздо больше, чем все казановы и донжуаны мира, вместе взятые. Упоминание неустойчивого монгольского тугрика в связи с финансовыми делами фирмы повергло бухгалтершу в растерянность.

– Н-нет, не сказалось, – пробормотала она, встревоженно хмурясь.

В программе бухгалтерского робота случился сбой, и Зяма немедленно этим воспользовался.

– Я очень рад! – заявил он. – Собственно, я и не сомневался в надежности вашей фирмы. Конечно, трагическое обру-

шение тугрика не могло повлечь за собой финансовые проблемы ООО «Жилье». Ну-с, раз так, я готов получить свой гонорар!

Зяма потер ладони и с подкупающим простодушием уставился на Марьяну. Она открыла рот и через пару секунд закрыла его, так ничего и не сказав. Со смешанным чувством досады и восхищения я увидела, что бухгалтерша потянулась к сейфу.

– Спиши слова! – велела я сама себе и полезла в сумку за блокнотом и ручкой.

Едва я успела зафиксировать чудодейственную фразу про трагическое падение тугрика, на крылечко вышел Зяма. Он победно улыбался и потрясал в воздухе денежными купюрами, которые для пущего моего раздражения развернул пышным веером.

– Видала? – обмахнувшись гонораром, торжествующе спросил братец. – Учись, пока я жив!

– Одолжи на два дня пару тысяч, – хмуро попросила я. – Мне Бронич послезавтра зарплату обещал.

Бронич, или Михаил Брониславович Савицкий – это мой шеф, директор рекламного агентства «МБС». Он отличный мужик, только малость жадноват, так что с него станется задержать обещанную зарплату на денек-другой. Собственно, именно в расчете на послезавтрашнюю встречу с Броничем я списала Зямино заклинание про шаткий тугрик. Авось пригодится.

– Одолжу, но с одним условием, – на удивление легко согласился братец. – Ты отправишься на кладбище!

Я вскинула брови: Зямыны слова меня неприятно удивили. Нет, я понимаю, конечно, долги выбивать надо, но не так же жестко! За пару тысяч загонять в могилу единственную родную сестру?! Такого я от братишки не ожидала.

– Понимаешь, долг чести обязывает меня появиться на похоронах, но я никак не могу пойти туда один, – невнятно объяснил Зяма.

Похороны никогда прежде не казались мне церемонией, в которой категорически недопустимо участие одиноких граждан. Я сказала об этом Зяме, и братец опустил глазки, как застенчивая девица, а его лицо на участках, свободных от затейливо пробритой щетины, покрылось трогательным румянцем.

– Э-э-э, видишь ли, Дюха, – смущенно сказал он. – Хорошат даму с приличной репутацией. А я состоял в особых отношениях с покойной.

– Живых тебе уже мало? – Я не удержалась от шуточки в духе черного юмора.

Зяма – знатный ловелас и сердцеед, не отягощенный моральными принципами и почтением к институту брака. В связи с этим было даже странно слышать, что он называет адюльтер «особыми отношениями». Как раз для него такие отношения вполне обычны.

– Дюха, это очень серьезно, – поморщился братец. – Муж,

то есть теперь уже вдовец, серьезный дядька, его лучше не дразнить. Представь, что он может подумать, если увидит на похоронах в тесном кругу родных и близких совсем постороннего парня?

– Он может подумать, что парень не совсем посторонний, – кивнула я. – Так, может, и не стоит тебе соваться в тесный круг родных и близких?

– Ты что? – Зяма обиделся. – Я же не мерзавец какой-нибудь! Как я могу не проститься с женщиной, которая подарила мне множество прекрасных минут!

– Часов и ночей, – я снова кивнула. – Ну а я-то тебе там зачем?

– Так ты же будешь моим прикрытием! – Зяма понял, что я склонна принять его условие и усилил нажим. – Мы притворимся, будто это не ты со мной, а я с тобой пришел. А ты назовешься какой-нибудь Машенькиной подружкой, одноклассницей или однокурсницей. К тебе-то муженек ревновать не станет!

– Ладно, уговорил, – сказала я. – Гони денежки.

Зяма с готовностью отслюнил пару купюр, но я этим не удовлетворилась и бесцеремонно выдернула из его денежного веера еще одну бумажку:

– А это мне на траурный наряд! Нельзя же идти на похороны в белых шортах!

– Да, мне тоже нужно переодеться, – засуетился братец. – Все, Дюха, разбегаемся, жду тебя в половине второго на цве-

точном рынке у Славянского кладбища!

– Необычное место для свидания, – пряча денежки, хмыкнула я. – Но будь по-твоему!

Зяма порысил в сторону дома, а я пошла на троллейбусную остановку. В отличие от братишки, я вынуждена более или менее регулярно ходить на службу в присутствии – в уже упоминавшееся выше рекламное агентство «МБС». Это обстоятельство не приводит меня в безумный восторг. Особенно в тяжелый день, в понедельник, дополнительно омраченный сорокаградусной жарой.

Трясаясь в переполненном троллейбусе, я с прискорбием думала о том, что рекламы моющих средств и дезодорантов на нашем телевидении явно маловато и она недостаточно эффективна. Некоторые пассажиры благоухали так, словно всю предыдущую неделю безостановочно преодолевали длинные дистанции без всякой помощи колесного транспорта, в процессе марафонского бега обильно потев и не имея ни единой свободной минутки на мытье и переодевание.

В попытке уменьшить количество и интенсивность улавливаемых мною миазмов, я задрала нос повыше. Дышать стало легче, но теперь я могла видеть только потолок. Это было не настолько интересное зрелище, чтобы увлечься им на все двадцать минут поездки, но я честно постаралась выжать из него максимум. Внимательнейшим образом рассмотрела трещинки на пластике, пытаюсь увидеть в них воображаемые картины в технике «гравюра». По возможно-

сти вспомнила астрономию и нашла определенное сходство между созвездием Орион и черными точками, которые оставили на потолке горелые спички самозваных пиротехников. Но наибольшего моего внимания удостоились едва заметные буквы, которые я нипочем не заметила бы при других условиях. Среди микроскопических трещинок по потолочному пластику змеилась блеклая карандашная надпись: «Стань богатой – 2486».

Этот загадочный призыв заинтриговал меня настолько, что я перестала брезгливо морщить нос, приговаривать: «Фу!» – и демонстративно обмахиваться ладошкой.

Неожиданная загадка мучила меня больше, чем запах немых тел. Я едва не сломала голову, пытаясь понять, в чем тут суть. Какова связь невыразительного набора из четырех цифр с приобретением богатства?

Думать, что 2486 – это сумма, на которую можно или нужно разбогатеть, не хотелось, потому что две с половиной тысячи рублей на сокровище не тянули. Впрочем, это могли быть не рубли, а, скажем, евро. Нет, лучше английские фунты, они дороже. Я приблизительно пересчитала две тысячи восемьдесят шесть британских денег на родные рубли по текущему курсу и решила, что сто пятьдесят тысяч «деревянных» в кармане позволили бы мне чувствовать себя богатой примерно пару месяцев. Мысль о том, что за числом 2486 могут стоять не добротные английские фунты, а какие-нибудь падучие тугрики, я решительно отогнала. Да простят

меня потомки Чингисхана, но тугрики и богатство казались мне несовместимыми понятиями.

Впрочем, определенные надежды на эти самые тугрики я все-таки возлагала. Мне не терпелось узнать, какое впечатление произведет заковыристый вопрос с упоминанием монгольских денег на нашего Бронича.

К сожалению, шефа не было на работе. Меня это не удивило: вчера в офисе сломалась сплит-система. Она была старая, а новую купить шеф пожадничал и теперь спасался от жары и упреков сотрудников где-то в другом месте.

В офисе сидела, точнее, обморочно лежала в кресле, моя коллега Зоя Липовецкая. Она придвинула вплотную к столу вентилятор и с мокрым полотенчиком на лбу походила на тяжело раненного авиатора в подбитом аэроплане. Выглядело это так печально, что я не сдержала жалостливый стон:

– О-о, Зочка! Тебе плохо?

– Врать не буду, мне нехорошо, – не открывая глаз, проворчала коллега. – Да и тебе тоже сейчас поплохееет.

Она слегка оживилась и даже разлепила ресницы, чтобы увидеть, как мне станет дурно.

– Звонил Бронич, – сообщила коллега.

Это известие я перенесла стойко. Подумаешь, Бронич звонил! Великое дело!

– Куда звонил, в пожарные колокола? – уточнила я, мужественно сохраняя спокойствие.

– Нет, в офис, – ответила Зойка.

Ее жиденькое чувство юмора на жаре окончательно испарилось.

– Шеф велел нам срочным образом придумать забойный текст для рекламы стоматологической клиники.

– Упс, – выдохнула я, опускаясь в свое кресло.

Поначалу задача не показалась мне слишком сложной. Я даже успела выдать на-гора гениальную, как мне показалось, заготовку: «Стоматология „Дракула“. Специализируемся на ортодонтии глазных клыков». К сожалению, дальше этого псевдоготического пассажа дело не пошло – жара пересушила все родники моего творчества.

– Фирма называется «Мегадент», – подсказала Зойка.

– Что в переводе означает «Огромный зуб», – сказала я и задумалась.

Упоминание суперзуба в единственном числе меня сильно смущало. Возникло резонное предположение, что заведение ориентировано на оказание специализированной стоматологической помощи исключительно бобрам и кроликам со сросшимися резцами. Или это не элитная стоматология, а примитивная зубодралка, после посещения которой у пациента остается всего один зуб? Я озвучила свои мысли Зойке, и ее раскрасневшееся лицо осветила блуждающая улыбка.

– «Если вы все время улыбаетесь, то вы либо слабоумный идиот, либо пациент клиники „Мегазуб“, – тут же придумала я, используя зарисовку с натуры.

На мой взгляд, содержащийся в данной фразе посыл был

совсем неплох, но Зойка со мной не согласилась, и полтора часа, оставшиеся до обеденного перерыва, мы провели в вялых и бесплодных прениях на тему супермегарекламы.

Ровно в тринадцать ноль-ноль я отклеила зад от стула и отправилась в ближайший торговый центр, чтобы пройти экспресс-курс моральной и физической реабилитации в кондиционированных залах модных лавок. Поход увенчался успехом, на сезонной распродаже в магазинчике женской деловой одежды мне удалось по бросовой цене приобрести очень приличное черное платье-«чехол». Изящный кружевной воротничок смягчал общую строгость фасона, позволяя причислить платье к универсальным нарядам типа «и в пир, и в мир». Понятие «пир» я нынче трактовала достаточно широко, подразумевая под ним, в частности, похоронную тризну.

Возвращаясь на работу в послеполуденную жару я не стала, в назначенный час встретила в условленном месте Зяму и под ручку с братцем отправилась на похороны его бывшей подруги. Об усопшей я знала только, что при жизни она не была верной супругой и откликалась на милое имя Машенька.

– Думаешь, этой скудной информации о покойнице хватит, чтобы убедительно изобразить ее подружку? – шепотом спросила я Зяму, когда мы побрели вдоль длинной вереницы дорогих автомобилей к месту последнего приюта милой Машеньки.

– Ах, оставь! – отмахнулся братец, трагически кривя губы.

Он уже вошел в образ и показательно печалился. Я старательно скопировала его гримасу, от себя добавив к ней скорбно заломленную бровь.

– Вряд ли кто-то станет спрашивать тебя о Машеньке, но, если что, ты наверняка что-нибудь придумаешь, – сказал Зяма.

Я не стала с ним спорить. Что-нибудь придумать – это я могу. У меня генетическая предрасположенность к более или менее буйным фантазиям – спасибо мамуле. Она у нас знаменитая писательница, успешно работающая в жанре литературного кошмара.

К тому моменту, когда мы с Зямой непринужденно влились в толпу людей в черном, я в общих чертах набросала свою легенду. Если кто спросит, я Машенькина подружка по песочнице.

– Может, все-таки по детскому саду или по школьной парте? – покритиковал меня Зяма, кровно заинтересованный, чтобы я не провалилась.

– А ходила ли Машенька в садик, тебе известно? И в какой школе она училась, ты знаешь? – отбрила я. – Вот я нахально назовусь ее одноклассницей, и тут вдруг выяснится, что Машенькина альма-матер – британский пансион для благородных девиц. А я никогда не бывала на берегах туманного Альбиона и по-английски говорю, как африканский зулус! Нет уж, лучше я про песочницу врать буду. Про куличики,

про ведерки и лопатки... В конце концов, каждый ребенок хоть раз в жизни ковырялся в песочнице!

– И эти единственные совместные посиделки в песочнице так тебе запомнились, что землеройная тема оказалась актуальной и двадцать лет спустя?! – съязвил Зяма, опасливо покосившись на мужиков с лопатами, испачканными жирной кладбищенской землей.

Вскоре выяснилось, что Зяма не напрасно боялся проверки на вшивость. Через минуту-другую после того, как мы с братишкой скромно притулились за широкими спинами кладбищенских копачей, к нам подкрался несимпатичный двухметровый детина. Его бандитскую наружность не сумели облагородить ни длиннополый пасторский сюртук, ни швейцарский хронометр, ни черные очки из модной коллекции.

– Кто такие? – спросил он басом, тактично приглушенным до шмелиного гудения.

Багровую ряху любопытного господина подпирал тугой белый воротничок, при одном взгляде на который свободолюбивый Зяма начал задыхаться. Возможно, поэтому братец промолчал, предоставив почетное право ответа на прозвучавший лобовой вопрос мне одной. Колоритная наружность братка меня немного напугала, и потому я ответила не так гладко, как планировала:

– Я подруга ее детства, – правой рукой я плавно повела в сторону гроба, левой в аналогичном режиме указала на при-

тихшего брата. – А он мой собственный друг!

– Не детский, – зачем-то уточнил Зяма.

Бандюга, ряженный пастором, насмешливо хрюкнул. Я подкатила глаза, вздохнула и с надрывом, который не смогли бы явить даже чеховские три сестры оптом, сказала:

– Как сейчас помню, сидим мы с Машенькой в песочнице. У меня ведро, у нее лопатка... Кто бы мог подумать, что она уйдет так рано!

– Из песочницы? – после секундной паузы уточнил бандит.

Теперь смешливо хрюкнул Зяма, но я вовремя наступила ему на ногу каблуком, и неуместное веселье братца засохло на корню.

– Из жизни, – без тени улыбки ответила я и показательно всхлипнула.

– А сильна ты, май систер, в драматических ролях! – с уважением сказал братишка, когда впечатленный моим актерским мастерством громила отчалил в сторону.

Впрочем, ушел он недалеко: подгреб к благопристойному господину в полном трауре и что-то зашептал ему на ушко, некультурно указывая мясистым пальцем на нас с Зямой.

– Дюха, я думаю, мы в достаточной мере отдали долг памяти усопшей Машеньке! – занервничал братишка. – Предлагаю уже начинать отступление!

– Стой где стоишь! – сердито прошипела я сквозь зубы. – Начнем драпать – вызовем еще большее подозрение, тогда

уж точно нас догонят и морды набьют!

– Как минимум, – пробормотал Зяма и поежился, забыв о жаре. – Эти граждане и пристукнуть могут!

– Ты их знаешь? – опасливо поинтересовалась я.

– Нет, но думаю, что тот, что пониже ростом и в полном трауре – безутешный вдовец, а шкаф рядом с ним – его личный охранник, – прошептал Зяма и окончательно сник.

Это добавило убедительности его собственной актерской игре. Громила и его хозяин немного посверлили нас взглядами, но мы очень натурально скорбели, и вскоре они потеряли к нам интерес.

– Вот теперь сбегай, возложи цветочки, и будем потихоньку отходить, – шепнула я брату.

Зяма воздел повыше свои гвоздички и нетвердой поступью пьяной мажоретки побрел к гробу, где показательно грустные граждане с букетами образовали небольшую очередь. Братишка недолго топтался в ней замыкающим, к нему быстро пристроилась худосочная дамочка с фантазийной стрижкой в богатой цветовой гамме тигровой шкуры. Она потянулась вишневыми губками к Зяминому ушку, и мой непутевый братец мгновенно оживился, расправил плечи, засверкал очами. Мне осталось надеяться только на то, что блеск его глаз окружающие объяснят для себя мужественно удержанными слезами.

– Казанова несчастный! – ядовито прошипела я, царапая крыловидные лопатки тощей дамочки острым взглядом и

мысленно приказывая ей отвалить куда подальше.

Худышка оказалась удивительно восприимчива к моему ментальному сигналу. Пошептавшись с Зямой всего минуточку, дамочка поспешно отошла в сторону, даже не оставив в предписанном ритуалом месте пару бордовых роз. Краем глаза я проследила за тем, как она ушла по аллее, занятой автомобилями из траурного кортежа, и уже не в первый раз подумала, что братец мой – совершенно незаурядный мужчина. Надо же, после такой короткой беседы с ним впечатлительная женщина напрочь позабыла, зачем вообще пришла на кладбище!

– Надо предложить мамуле написать биографию любимого сына – бестселлер «Казимир Кузнецов как воплощение жизнелюбия и неиссякаемый источник позитивной энергии»! – съехидничал мой внутренний голос.

Я кивнула. Право, стань Зяма психоаналитиком, он мог бы возвращать к жизни толпы суицидально настроенных дурочек! По-моему, есть только две женщины, которым он не способен заморочить голову: это я и наша мамуля.

Впрочем, я тоже ощущала некоторое головокружение, только причиной его были не Зямины чары, а жуткая жара.

В два часа пополудни под июльским солнцем на кладбище было жарко, как в аду. Впору было позавидовать китайцам (или японцам?), у которых традиционным траурным цветом является белый! Осмотревшись, я поняла, что промахнулась с покупкой черного суконного платья с подобающим слу-

чаю скромным вырезом. Прочие дамы без стеснения надели дырчатые кружевные блузки, легкие сарафаны на тонких бретельках и очень-очень маленькие черные платьица. Хотя все эти наряды были приличного черного цвета, легкость мануфактуры и фасона делали их гораздо более подходящими для вечернего выхода с танцами и обжиманцами. В толпе легкомысленно разряженных дамочек я выглядела смиренной монашенкой.

Зато у меня был самый красивый спутник! Надо отдать должное Зяме, на фоне других мужчин он смотрелся, как фламинго среди пингвинов. Не только потому, что ни один другой джентльмен не облачился в моднейший костюм из розового льна. Просто наш Зяма действительно хорош собой: высокий, с отличной фигурой и приятной скуластой физиономией, которой напускная скорбь придала обольстительной томности. Я прямо залюбовалась братишкой, когда он пошел возлагать цветы к ногам своей усопшей подруги.

Другие граждане на него тоже засматривались. У большинства, чуждого высоких художеств, розовый колер плохо ассоциировался с трауром. Однако Зямина рубашка под пиджаком жизнерадостного цвета была чернильно-черной, и в этом сочетании угадывалось что-то глубоко символическое, намек на близкое соседство цветущей молодой жизни и темного праха.

Зяма чуток задержался у гроба, по дизайнерской привычке формируя в домовине гармоничный букет, но я недол-

го оставалась одна. Бочком-бочком, как маленький краб, ко мне приблизилась невысокая брюнетка с распущенными волосами русалки азиатского происхождения. Угольно-черные волосы отчасти закрывали излишне обнаженные плечи и чересчур смелое декольте, в глубине которого взволнованно вздымалась силиконовая грудь.

– Это твой? – хриплым шепотом спросила она, кивком указав на Зяму, сноровисто формирующего в районе белых тапочек классическую экибану из алых и белых гвоздик.

– Мой, – подтвердила я, не найдя в себе сил отречься от родного брата, даже если он ведет себя, как суший идиот.

Брюнетка глубоко и отчетливо завистливо вздохнула, шумно сглотнула слюнки и спросила еще:

– И как он?

– Так себе, – дипломатично ответила я.

– Вижу, ты не в восторге? – оживилась она. – Может, махнемся? Предлагаю ченч!

– То есть обмен? – Я вынужденно применила свой зулусский английский. – А чем меняться, я не поняла?

– Ты что, глупая? Мужиками, конечно! Чем же еще! – брюнетка фыркнула, как выдра. – Ты уступишь своего дуся мне, а я своего – тебе!

– А где твой дуся? – невольно заинтересовалась я.

– В Париже, – легко ответила брюнетка.

– В Париже? – Я задумалась.

Дуся, в нагрузку к которому идет столица Франции, опре-

деленно, мог рассматриваться как объект заманчивой бартерной сделки. А я пока что девушка свободная, лишь отчасти связанная обещанием в обозримом будущем выйти замуж за симпатичного милицейского капитана Дениса Кулебякина. Однажды он хитростью вырвал у меня соответствующую клятву, но при этом не сообразил ограничить мою девичью свободу конкретными временными рамками. Так что в ближайшие десять-двадцать лет я, думается, вольна распорядиться собой. Вполне могу включить в перспективный пятилетний план развития своей жизни парижского дусю.

– А он у тебя кто? – Любопытство мое заметно возросло.

– Он лес, – непонятно сказала брюнетка и послала воздушный поцелуй Зяме, который как раз закончил сеанс похоронной флористики и обернулся ко мне в надежде получить одобрение своих трудов.

– В смысле, полный дуб? – огорчилась я.

К сожалению, терпеть не могу дураков и не умею скрывать свое к ним отношение, а это сильно сужает диапазон поисков потенциального спутника жизни.

– Дуб, – согласно кивнула брюнетка. Она завела глаза и скороговоркой, как девочка, повторяющая затверженный стишок, протарахтела:

– Дубравы, ельники, сосняки, пихтарники, бучины и грабовники! И еще каштановые рощи, хотя об этом лучше не говорить, так как каштановая древесина является особо ценной и законодательно запрещена в рубку. Мой дуся – лесной

король юга России.

Это была очень интересная и, в общем, греющая душу информация. Мне только неведомые грабовники не понравились, как-то неприятно они называются... Мысленно я попробовала на вкус небанальное словосочетание «лесная королева российского юга», дополнила его собственным именем – «Индия Кузнецова» – и решила, что знакомством с парижским дусей пренебрегать не стоит.

– Так, дуся моя. Ты со своим на поминках будешь? – деловито спросила брюнетка, копошась в своей сумочке.

– Не знаю, – растерялась я – главным образом от того, что незнакомка назвала меня дусей.

Это имя более или менее органично вписывалось в длинный ряд моих домашних прозвищ: Дюша, Индюся, Индуска... Впрочем, у брюнетки это, похоже, было универсальное имечко для знакомых любого пола, ведь лесного короля она тоже называла дусей.

– Как это – ты не знаешь, будете ли вы на поминках? Должны быть, – твердо заявила легкомысленная подруга лесного короля и вручила мне визитную карточку.

На серебристой картонке красивыми золотыми буквами с вензелями были вытиснены всего два слова: «Дарья Павелецкая». Никакого титула к имени не прилагалось (а так хотелось приписать внизу: «Просто дуся»!).

– Слава богу, поминки будут попозже, ближе к ночи, в нормальном кабаке с кондюками, – вяло обмахнувшись ла-

дошкой, сказала нежная дуся Даша.

Голос у нее был низкий, с волнующей хрипотцой. Я не поняла, то ли Дашенька нарочно так говорит, чтобы больше соответствовать образу женщины-вампи, то ли у нее какие-то проблемы с гортанью. Наверное, все-таки выпендривается.

– Ночной клуб «Планида» знаешь? – эротично шептала мне роковая женщина. – Встретимся там в одиннадцать. Если вас охрана задержит, звони, я проведу. Нет, лучше подходите не в одиннадцать, а в двенадцать, а то вдруг самолет задержится, и мой песик припоздает. Короче, в полночь ты должна появиться. Но только не позже!

– Что, поминки ограничены регламентом? – съязвила я.

– Да нет, просто, если ты не поторопишься, мой дуся может успеть положить глаз на какую-нибудь другую кралю, и все, ты в пролете! Мой дуся, знаешь, какой приставучий? К понравившейся бабе цепляется, как репей к собачьей заднице!

Зяма вернулся непритворно опечаленный. Физиономия у братишки была почти такая же пасмурная, как в тот незабываемый вечер двадцатипятилетней давности, когда мы после долгих усилий добрались до верхней полки мебельной стенки, где вызывающе красовался шоколадный набор, привезенный папулей из Австрии. Хорошенькие шоколадные бутылочки мы жадно слопали, а содержащуюся в них жидкость без церемоний вылили в раковину, за что папуля устроил нам грандиозную нахлобучку, потому что жидкость,

к которой мы отнеслись с великолепным пренебрежением, являлась редким дорогим коньяком. Мне тогда было без малого пять лет, а Зяме целых семь. Старший брат благородно взял вину на себя, но готовился к этому моральному подвигу почти полдня и имел при этом глубоко задумчивый вид. Это нетипичное для него выражение лица запомнилось мне даже крепче, чем папулина ругань.

Теперь, глядя на пасмурную физиономию братца, я сочла нужным его утешить:

– Ну-ну, Зямка, не надо так убиваться! Машеньку ты уже не вернешь, придется взять себя в руки и научиться жить без нее.

Это была дурацкая фраза, но лучшей я не придумала. Как и следовало ожидать, опечаленного Зяму мои слова ничуть не утешили. Братец продолжал хмурить брови, кривить губы, играть желваками на щеках и всяко иначе уродовать свою мужественную физиономию. Он даже не заметил плотоядных взглядов, которыми охочая до новых знакомств брюнетка Дашенька обволакивала его с ловкостью голодной орхидеи-мухоловки. Кокетливая красавица попыталась разделить Зямин минорный настрой, сокрушенно прошептала: «Ах, бедная Машенька, как смерть меняет человека, ее не узнать!», но Зяма не обратил на мою новую знакомую никакого внимания. Я расценила это как очень плохой признак и всерьез забеспокоилась о душевном состоянии братца.

Я решила, что мой сестринский долг – вывести Зяму из

апатии, и стала думать, как это сделать.

«Элементарно, Ватсон! – без запинки подсказал мне внутренний голос. – Если любвеобильного Зяму так опечалило удаление Машеньки, надо быстренько произвести замену на поле».

Накануне я до глубокой ночи вынужденно смотрела по телу футбол, до которого огорчительно охоч мой друг капитан Кулебякин, и терминология спортивной игры запала мне в душу.

– А кого же выпустить на замену? – Я машинально огляделась по сторонам и увидела все ту же брюнетку.

Стоя в пяти шагах от нас, она облизывала Зяму влажным взглядом примерно так, как это делал бы с гигантским чупа-чупсом маленький сладкоежка. Было видно, что красавица готова заменить Зяме не только покинувшую его персональный фан-клуб подружку Машеньку, но и целую команду отличных игроков со всеми тренерами и массажистами.

– До вечера! Еще увидимся! – обрадовавшись, что решение нашлось само собой, я дружески помахала красавице ручкой и потянула братишку прочь от толпы.

Совесь, робко укорявшая меня за то, что в моей программе посещения поминального обеда запланированы такие нетрадиционные пункты, как собственное перспективное знакомство с лесным королем (это раз) и выдача любопытной брюнетке Дашеньке охотничьей лицензии на Зяму (это два), умолкла. Спасение дорогого и единственного бра-

та от черной меланхолии следовало признать миссией благородной и высокогуманной. Из тех, ради выполнения которых вполне допустимо нарушить нормы этики.

Я предупредила Зяму, что вечером мы с ним в обязательном порядке идем на поминки в ночной клуб, и он, как мне показалось, приободрился. Мы условились встретиться дома за ужином, а затем расстались у гостеприимно распахнутых кладбищенских ворот. Зяма укатил на своем скутере, а я вызвала по телефону такси и в ожидании машины спряталась под сень ветвей плакучей ивушки. На открытых участках кладбища было так жарко, словно температурный режим подбирался в специальном расчете на нераскаявшихся грешников с целью скорейшей их адаптации к посмертному пребыванию в адском пекле.

В ивовом шатре нашелся вполне удобный гранитный валун. Я убедилась в отсутствии на нем букв и цифр и с чистой совестью присела на камень, который вроде не был могильным.

Сидя на приятно теплом гранитном валуне, я сквозь завесу зеленых ветвей поглядывала на дорогу, чтобы не упустить свое такси. Машину запросто могла перехватить особа, выжидательно переминающаяся на другой стороне дороги. По приметной трехцветной шевелюре я узнала ту самую дамочку, которая бессовестно отвлекала моего братца от ритуального возложения цветов к ногам усопшей Машеньки. Тигрово-полосатая дамочка явно тоже спешила убраться с

кладбища, для чего призывно махала ручкой каждому проезжающему мимо автомобилю, за исключением только катафалков. Вскоре какая-то машина, большая, серебристо-серая, любезно остановилась, дамочка уехала, и долгожданное такси досталось мне в единоличное пользование.

2

Зяма не пришел к ужину. Напрасно папуля в ожидании припозднившегося едока добрый час держал на медленном огне эксклюзивные тыквенно-бараньи бифштексы, которые никак не могли перенести повторного разогрева без непоправимого ущерба для пикантного вкуса. Бифштексы едва не пригорели, но Зяму так и не дождалось. Папуля, который в порыве кулинарного вдохновения растиражировал свое новое изобретение в количестве семи порций, сильно расстроился. Я утешила его как могла – съела один бифштекс за себя, один за бабулю, у которой некстати прихватило живот, и еще два отнесла любимому бассету капитана Кулебякина. Сам Денис ранним утром умотал в краткосрочную командировку, и Барклай остался на моем попечении.

Я выполнила дежурный хозяйский долг добросовестно и даже с избытком. Я не только сводила Барклая погулять, но даже позволила ему насладиться тесным и, надо думать, результативным общением с пуделихой, хозяйка которой – противная баба Клавдия Васильна из второго подъезда – привязала свою бедную собаку к лавочке на солнцепеке и пошла в тенистую беседку трепаться с другими старухами. Сквозь зеленую стену до меня без помех доносился ее елейный голос: Клавдия Васильна ругательски ругала современных девиц, бесстыже щеголяющих в узких брюках, коротких

облегающих платьях, юбках с разрезами и прозрачных блузках с декольте. По ее мнению, в сорокаградусную жару гораздо уместнее было бы облачиться в рейтузы по колено, корсет со шнуровкой, длиннополую рясу с капюшоном и глухую паранджу. Вот это был бы в высшей степени приличный наряд! Особенно если дополнить его красивыми аксессуарами в виде ежовых рукавиц, водолазного шлема и стального пояса верности с пудовым замком.

Мой собственный костюм являл собой квинтэссенцию ненавистного бабке легкомысленного стиля: на мне были тугие шортики с разрезами и короткая дырчатая маечка с глубоким вырезом. Монолог Клавдии Васильны мне закономерно не понравился, но озвучивать свое недовольство я не стала. Просто отвязала истомленную жарой пуделиху, отпустила ее порезвиться с Денискиным бассетом, и славные животные без всяких понуканий с моей стороны устроили акцию протеста против притеснения здоровой сексуальности.

Не зря говорят: «Больше дела, меньше слов». Деятельная пуделиха выполнила свою программу-максимум быстрее, чем ее болтливая хозяйка. Постфактум я снова привязала разомлевшую собаку к той же лавочке и увела восвояси довольного Барклая.

Зяма еще не вернулся, но в мое отсутствие он звонил на домашний телефон и попросил папулю передать мне, что все идет по плану, мы с ним встретимся в полночь. Эта интригующая формулировка профессионально заинтересовала ма-

мулю.

– Как зловеще это звучит – «встретимся в полночь!» – радостно ужаснулась она. – Дети, я чувствую, что в вашей жизни происходит что-то кошмарно интересное!

Слегка помявшись, мамуля спросила, нельзя ли ей тоже пойти с нами на кошмарно интересную полночную встречу (неважно с кем, хоть с самим Синей Бородой. Даже хорошо, если с самим Синей Бородой!), но тут вмешался папуля. Он язвительно и одновременно не без мечтательности сообщил, что, хотя у него лично борода не синяя, а рыжая с проседью, это не мешает ему при определенных условиях проявить себя страшным ревнивцем, тираном и деспотом, способным в отношении глупой женщины на карательные санкции вплоть до полного ее, этой самой глупой женщины, смертоубийства. Сообразительная мамуля сразу поняла, что ее полночный поход незнамо куда однозначно приравнивается к упомянутым особым условиям, и перестала набиваться в компаньонки. Меня это только порадовало. В обществе мамули мне было бы гораздо сложнее арканить лесного короля: маман у нас дама шикарная, она даже в свои пятьдесят два даст фору иной голливудской старлетке. Лесной король вполне мог запать не на меня, а на мамулю, что ударило бы разом и по ее репутации, и по моему самолюбию. В общем, я с тихим злорадством посоветовала родительнице в темное время суток держаться ареала распространения законного супруга и позвала с собой в ночной клуб Алку Трошкину.

Алка с ее наружностью хронически зябнувшего воробушка не могла составить мне серьезную конкуренцию, а вдвоем идти веселее.

Трошкина барышня воспитанная, и предложение заглянуть без приглашения на поминальную вечеринку в ночной клуб ее шокировало, но только пока я не сказала, кто, собственно, героиня печального торжества. Узнав, что усопшая Машенька была любовницей Зямы, Алка сразу же перестала кочевряжиться и побежала одеваться к выходу.

Я предвидела такую реакцию и даже рассчитывала на нее. Дело в том, что в прошлом году Трошкина тоже имела неосторожность примерить на себя роль сердечной подруги моего беспутного братца. Это был бурный роман, завершившийся не менее бурным разрывом. Инициатором расставания стала, как ни странно, Алка, которой до смерти надоело закрывать Зяму своим хрупким телом от сонма поклонниц. Братец был глубоко потрясен тем, что на сей раз не он ушел, а его «ушли». Ощущение брошенности было для него внове, так что Зяма изменил своему принципу «уходя – уходи» и до сих пор в паузах между новыми романами пытается подкатить к Трошкиной. Иногда эти его попытки имеют успех, но он всегда временный. В общем, отношения у Алки и Зямы очень и очень непростые. Как и следовало ожидать, моя подруга не могла упустить возможности увидеть свою соперницу. Тем более в гробу!

Правда, Трошкина, надо отдать ей должное, сумела

скрыть свою радость по поводу того, что Зямино сердце столь экстренно освободилось. Приличия ради она показательно закручинилась и даже нашла научно обоснованный повод изобразить недовольство.

– Знаешь, Инка, – озабоченно сказала она, стоя у зеркала и с помощью распрямляющего средства для волос и лака соорудив классическую прическу наемной плакальщицы. – Демографические исследования показывают, что уровень смертности в нашей стране составляет порядка 14 процентов. Я не могу ручаться за точность своих подсчетов, но у меня получается, что из каждой сотни женщин детородного возраста ежегодно умирают две или три.

– Да, – кивнула я. – Это не может не удручать.

При этом я смотрела на Алку и под удручающим зрелищем подразумевала главным образом ее внешний вид.

Трошкина подошла к созданию образа с добросовестностью заслуженного костюмера «Мосфильма». Мало того что она распустила волосики серым дождиком, она еще и краситься не стала. А как оделась! Бабушкина плиссированная юбка до щиколоток, туфли без каблука и водолазка с длинными рукавами. Все, разумеется, черное, как замыслы серийного маньяка. Я понадеялась, что мы встретим во дворе соседку Клавдию Васильну. Трошкина, в ее нынешнем виде, вполне могла реабилитировать в глазах старшего поколения легкомысленную современную молодежь.

– Я не об этом, – Алка отмахнулась черным газовым шар-

фиком, который решила прихватить с собой в качестве полезного аксессуара. – Я просто вспомнила, что в прошлом году твой брат уже потерял одну подругу, царство ей небесное. Как ее звали, не помню.

– Леночка, – подсказала я, не сомневаясь, что Трошкина помнит прошлогоднюю историю с Леночкой не хуже меня.

В прошлом году Зяма не просто трагически потерял подругу, он едва не лишился свободы, потому что попал под подозрение в убийстве этой самой Леночки. Тогда только наши с Трошкиной слаженные и самоотверженные действия спасли Зяму от продолжительной командировки в места не столь отдаленные¹. В эпилоге он угодил не на нары, а в Алкину кровать, где, впрочем, не залежался, но об этом я уже говорила.

– Я к тому, что за год с небольшим в мир иной перешли уже две Зямыны подруги, – объяснила Алка. – Если сопоставить этот факт со статистикой женской смертности в целом по стране, можно предположить, что у твоего братца в этом году было порядка сотни баб!

Трошкина хмуро посмотрела на меня. Она, конечно, знала, что идеи свободной любви Зяма продвигает в женские массы с большим энтузиазмом, но об истинных масштабах этой сексуально-просветительской деятельности, похоже, не подозревала.

– Ты так считаешь? – Я слегка задумалась.

¹ Читайте об этом в романе Е. Логуновой «Банда отпетых дизайнеров».

Проверить Алкины логико-математические выкладки я не собиралась. В конце концов, это она, а не я была отличницей-медалисткой, большой любительницей алгебраических шифрограмм. Я-то всегда воспринимала задачи с интегралами и логарифмами как произведения орнаментальной живописи и не видела в начертании этих изящных закорючек никакой иной цели, кроме сугубо декоративной. Так что я не усомнилась в точности Алкиных подсчетов, но и не особенно удивилась результату.

– Ну, сотня контактов в год – это не так много, – протянула я, не желая сверх меры расстраивать Алку сообщением о том, что данный показатель находится в пределах моей собственной нормы.

Только я, в отличие от Зямы, предпочитаю количеству партнеров качество отношений. То есть из множества мужчин выбираю одного, любимого.

«Или двух-трех! – тут же съехидничал мой внутренний голос. – Наиболее любимых!»

Я живо цыкнула на него и успокаивающе сказала расстроенной Трошкиной:

– Примерно восемь женщин в месяц – это не астрономическое число. Самый захудалый турецкий султан далеко опережает Зяму по данному показателю.

– Никогда не поеду в Турцию! – сурово шмыгнув носом, заявила на это Алка.

– Это, конечно, большая потеря для султанов! – хмыкнула

я.

Трошкиной хватило юмора оценить шутку, она тоже захихикала, и в такси мы погрузились со смешками, которые сильно диссонировали с нашим траурным шмотьем. Водитель всю дорогу посматривал на странноватых пассажиров с недоумением и, видимо, гадал, кто же мы такие – помешавшиеся от горя безутешные вдовушки или беззаботные девушки-готты.

Вечеринка, на которую мы прибыли, производила столь же смутное впечатление. Портал ночного клуба сиял неонам, у входа сверкали огнями обвитые новогодними гирляндами пальмы и увешанные ювелирными украшениями красотки, вполне сопоставимые по росту с пальмами. Девицы выглядели так вульгарно, что я в своем классическом маленьком черном платье, которое еще минуту назад казалось мне слишком маленьким для данного конкретного случая, почувствовала себя воплощением безупречного вкуса. Траурный наряд Трошкиной смотрелся не столь элегантно, но зато абсолютно точно соответствовал канонам жанра. Дядька с черной повязкой на рукаве, до нашего появления с немим укором взиравший на разряженных девок, при виде стопроцентно трагической фигуры Трошкиной просветлел челом и встретил нас, как родных. Как родню покойной Машеньки, я хочу сказать.

– Сочувствую! Примите мои глубокие и искренние соболезнования, – зашептал он на ушко Алке, которую самолич-

но повлек во внутренние покои дворца разноплановых ночных торжеств.

Благодаря этому мы без проблем миновали здоровенных парней на входе. Нас они пропустили, а сунувшихся за нами красоток в бусах длиннее мини-юбок выпроводили нелюбезными словами:

– Гуляйте мимо, шалавы!

Семенящим шагом (хореографию ставила мелкая Трошкина, отягощенная приставучим господином, которого ей никак не удавалось стряхнуть со своего локтя) мы проследовали в пиршественный зал. Его убранство было выполнено в эклектичном стиле, который мой брат-дизайнер определил бы как смесь поздней готики со среднерусским ярмарочным лубком.

Большой зал с каменными стенами, задрапированными черным бархатом и гобеленами, слабо освещали люстры из тележных колес, подвешенных на цепях. Там и сям маслянисто блестели полированным металлом здоровенные мечи, секиры и топоры викингов. За чугунной решеткой огромного декоративного камина пугающе растопырились фрагменты разлапистой коряги, очевидно, брутально порубленной тем самым могучим топором викинга. Все это мрачное великолепие своеобразно оживляли скатерти, вышитые пасторальным восточно-славянским крестиком, хрустальные чаши с янтарной икрой, белые с красным косоворотки официантов и полуведерная деревянная братина, расписанная в палех-

ском стиле. Трошкина несколько обалдело улыбнулась медвежьим чучелам, которые симметрично здоровякам-охранникам караулили дверь с внутренней стороны, и, секунду помедлив, взяла с подноса ближайшего к ней мишки серебряную стопочку.

– Чувствую, мне понадобится наркоз! – сказала она, оправдывая нехарактерный для нее позыв напиток с разбегу.

Я обвела взглядом полутемный зал, в дальнем конце которого под торжественные и печальные моцартовские аккорды непринужденно вальсировали заметно нетрезвые пары, мысленно согласилась с Алкой и тоже хлопнула стопарик.

Как это часто бывает на свадьбах и поминках, толпа гостей была неоднородной. Среди загорелых фигуристых дам и поджарых джентльменов попадались вполне простецкие тетки и дядьки. Их роднил общий для всех присутствующих цвет одежды, разница была только в том, что одни были в «откутюрном» черном с золотом и бриллиантами, а другие – в дешевом черном с люрексом и бусинами. Мы с Трошкиной органично вписались в тусовку: она пополнила ряды низших классов, а я (хотелось думать) умножила число светских дам. Загар у меня был, макияж и маникюр тоже, волосы я уложила аккуратным низким узлом, а отсутствие бриллиантов, если что, можно было объяснить соображениями такта. Ведь правда же поминки – не лучший повод вывести в люди содержимое мамулиной шкатулки с драгоценностями!

Впрочем, это мое мнение разделяли не все. Гламурная брюнетка Дашенька, с которой я познакомилась на кладбище, добавила своей внешности блеска, нацепив ожерелье с большими прозрачными камнями. Мне очень не хотелось думать, что это бриллианты (просто потому, что моя скоропостижная смерть от приступа зависти вряд ли сделала бы тусовку более приятной).

– Конечно, это не бриллианты, что ты! – успокоила меня брюнетка.

И тут же ранила в самое сердце:

– Это перуанские алмазы, – она поправила ожерелье и похвасталась: – Дуся подарил.

– Кто?

– Лес!

– Так. – Я мигом вспомнила, зачем пришла, и цепко оглядела зал. – И где тут он? Твой щедрый лесной дуся?

– Пойдем, познакомлю! – Брюнетка сцапала меня за руку, но я уперлась, не спеша трогаться с места:

– Сначала покажи!

Хотя я никогда прежде не зналась с дровосеками высокого полета, простая эрудиция подсказывала, что лес бывает разный. Одно дело – мачтовая сосна или вековой дуб, совсем другое – карликовый бонсай или кривая полярная березка! Культивировать хилую мелкорослую растительность я не желала. Даже в том случае, если она периодически плодоносит перуанскими алмазами.

Дашенькин «лес» оправдал мои худшие ожидания. Он оказался невысоким упитанным мужиком с такими толстыми щеками, что между ними почти бесследно потонули более мелкие неровности физиономии: вялый ротик, носик-пимпочка и глазки-изюминки. Лицо короля русского леса было поразительно похоже на мучнисто-белую, как непروпеченная булка, задницу. Эту физиологическую аномалию нисколько не скрывала, а только подчеркивала нелепая прическа: седоватые волосы задолицевого мужа были зачесаны вверх и в стороны наподобие буклей и обрамляли то место, где у других бывает физиономия, толстым валиком. Белая салфетка под складчатым подбородком усиливала впечатление, будто стилист беззастенчиво слизал образ короля русского леса с парадного портрета Людовика Солнца.

– Он дуся, правда? – хихикнула Дашенька, с умилением извращенки любуясь его лесным величеством.

– Кому как, – уклончиво ответила я.

Русский лес сосредоточенно тянул через трубочку коктейль и за этим занятием, на мой взгляд, был бы гораздо более уместен не в шумном зале ресторана, а в уединенной клизменной.

– Тебе не нравится? – забеспокоилась брюнетка, оценив выражение моего лица.

Я не смогла признаться, что нахожу физиономию лесного короля поразительно похожей на любовно ухоженное розовое седалище, и проямлила:

– Прическа у него не очень...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.